

Ольга КРУТИКОВА

выпускница истфила БГПУ 2003 года

ЗЕРКАЛО

Рассказ

Всю ночь мне снились чёрно-белые сны. Будто старый фильм о войне. Будто я ждала тебя с фронта. В пустой холодной квартире. Кровати с кружевными простынями. Продуваемое ветрами высокое деревянное окно. Канарейка в клетке. Чёрно-белый паркет. Серые шторы. Совершенно бесцветная накидка на диване. Я видела своё отражение в зеркале. У меня были пепельные кудри и серые глаза. Почтальон приносил твои письма, и в каждом ты писал, что уже никогда не вернёшься. Ты писал мне, что умер. А ей – «их либе дих». Каждый раз после твоих писем я собирала осколки зеркала на полу руками, потом заматывала белым вафельным полотенцем окровавленные пальцы и шла покупать новое зеркало. Чтобы отрепетировать перед ним роль для спектакля. Оно было моим единственным зрителем дома. Ну, разве ещё канарейка. Больше всего на свете мне хотелось испечь тебе пирог, связать шарф и чтобы все твои фотографии стали моими. Вот видишь, – говорила бы я канарейке, показывая их, – это мой муж, моя свекровь, мои дети. Война закончилась.

Фотографию с хорошенькой немкой я бы, конечно, порвала.

Но ничего такого не происходило. Я ушла из городского самодеятельного театра и стала лечить людей. Очень долго училась. И вскоре из неопытной медсестры превратилась в зав. отделением хирургии. Чёрно-белый театр превратился в чёрно-белую клинику. Актриса на сцене могла надеть бархатные перчатки. Или костюм кошки. А руки врача должны быть идеальны. И я перестала бить зеркала. Садилась перед ними в свободные минуты – очень редкие с моей работой – и читала стихи. В зеркале отражался театр, полный зрителей. Иногда мне казалось, что я видела в нём тебя в обнимку с немкой. Красным пятном выделялись её платье и губы на фоне чёрно-белого партера. Я даже слышала, как ты говорил ей: «Гретхен, давай убежим отсюда. Я хочу целовать твои руки, наслаждаться шелестом твоего платья». Я слышала и ни разу не запнулась. Уж «Фауста» Гёте я знала назубок. Гретхен – главная героиня. Вот почему ты пришёл. Дочитав что-нибудь до конца, я вставала, вытирала пыль со старого довоенного комода. Мечтала сделать ремонт, выкрасить окна синей краской, купить васильковые што-

ры и новое платье. Но потом, очень часто, звонил телефон, меня вызывали на работу, и снова – белый халат, серые стены. Я всегда улыбалась своим больным. Некоторых я научила убеждать самих себя. С собой ведь всегда можно договориться. А значит, можно себя вылечить. Без скальпелей и таблеток. Без глупой надежды. Но вот однажды...

Где-то под Новый год, вечером, на закате я стояла у окна и смотрела, как небо заполнили чёрные птицы, вороны. Огромная, медленно летящая стая. На минуту мне показалось, что это чёрный снег в розовом небе. Мне показалось, что моё окно невозможно синее, на подоконнике живые жёлтые хризантемы в вазе из цветного алого стекла, где-то играет оркестр, а в зеркале – вдалеке-вдалеке-вдалеке – ты машешь мне рукой. Молодой, светловолосый, одетый в гимнастёрку. Я бегу к тебе по вокзальному перрону, запыхавшись, прыгаю на шею, ты смеёшься таким родным – будто я слышала его ещё до рождения – смехом и говоришь, что у тебя есть ещё два дня побыть со мной. На старом маленьком рынке возле дома мы покупаем канарейку в клетке, я держу тебя за руку и не хочу отпускать. Мне кажется, я сжимаю её до крови. У меня вся ладонь в крови. Слышно, как где-то далеко взрывается граната. ... Остаюсь стоять посреди своей пустой квартиры наедине с вдребезги разбитым зеркалом. Из его осиротевшей оправы на меня смотрит матово-чёрная стена. Слышно, как гремит новогодний салют на городской площади. Чёрные вороны в дымчато-сером небе, белый, словно только что выпавший снег, подоконник. В дверь испуганно стучат.

– Катерина Алексеевна, почему вы не берёте трубку? Человек умирает. Ох, что с вашими руками?

Это был день, когда я не успела. Не успела, слышишь? Я проиграла эту войну с собой. Руки заживали очень долго. Впервые за всё время я взяла целый месяц отдыха, чтобы уехать на море. Плавать я не умела. Да и море было зимним. Хорошо замотавшись в тёплый плед, я часто сидела на берегу. Да, я одинока в свои сорок восемь. У меня нет мужа, детей, свекрови. Но разве смысл только в этом? В пирогах с брусникой, в розовых капроновых лентах, из которых – бант на детской головке, в ракушках, которые можно привезти с моря, а потом сде-

лать из них поделку в детский сад, в новом пододеяльнике для двуспальной кровати, в чёрном зонте-трости, который я вчера видела в приморском магазинчике и который спасал бы тебя от дождя по дороге на работу? В этом незатейливом цветке, выскочке, который ты так любил? Стоит весь год неприметный, а потом – раз – розовые цветы, один за одним. В том, чтобы вылечить тебя от ангины раз и навсегда, погладить твою рубашку, сварить уху? Дождаться тебя с войны?

...Мне вдруг захотелось сыграть Женевьеву из «Шербурских зонтиков». Впервые за несколько лет запрятать свои воспоминания в старый кожаный чемодан. Нестерпимо-оранжевый, разом потяжелевший от многотонного груза. Сложить туда все твои письма, тишину моих комнат, одиночество. Выйти замуж за, быть может, очень богатого человека, томно прогуливаться с ним под руку по приморской набережной, нарядившись в меховое манто. Пьянеть от восторженных взглядов прохожих. Ни о чём не думать. И встретить тебя неожиданно. Посреди зимы, тихим ясным днём, в ослепительно-чёрном пальто, поседевшего, доброго, грустного. Улыбнуться друг другу, пройти мимо, послушать, как пронзительно ёкнуло сердце, закутаться ненадолго в свою грусть, словно в тёплую шерстяную шаль, согреться. Потому что ничто так не греет опустошённые души, как утерянная любовь. Больно только вначале.

В гостиничном номере было широкое зеркало в полный рост. По ночам оно отражало наглухо задёрнутое чернильно-бордовыми шторами окно, меня, сидящую в кресле, и стопку ещё не прочитанных книг на полу. Зана-

вес был опущен. Но откуда-то из глубины, по ту сторону, играла музыка Мишеля Леграна... «Целой жизни мало, чтобы ждать тебя...». Почему-то всплыло лицо соседки. Лестничный марш, почтовый ящик. Тридцатилетняя давность. Медленно проворачивает ключ в замке, не находя писем. Оборачивается, видит в моих руках конверт. Смотрит глазами, полными бессонных ночей, усталости, глазами, в которых целое поле ромашек засыпано пеплом.

– Какая ты счастливая, Катя, пишет тебе каждый месяц. Живой. А мой ещё в сорок первом без вести пропал, а я всё жду – вдруг вернётся... Что пишет-то?

– Что любит.

– А ты?

– Что буду ждать его всю жизнь.

– Думаешь, война будет идти всю жизнь?..

Летели, летели годы. Я стала заслуженным врачом. Научилась водить машину. Обрела надёжных друзей. Простая ясная жизнь. Не сюжет для спектакля. Жизнь, которую никто бы и никогда не сыграл на сцене. Разве что только шахматную партию. Чёрные мысли – пешки. Белые – короли. Целый шахматный бой в зазеркалье. Сбитые навзничь фигурки летят из зеркала вместе с осколками автоматной очередью. Зеркало рассыпается, как песок. Острый, колючий. Меткий.

...А потом вдруг прилетел Ангел и принёс мне новое зеркало. В нём отразилось, что у меня выгоревшие жёлтые шторы, пыльно-лимонная накидка на диване, а волосы – седые. Сон о войне длиной в полвека закончился. Ангел замотал мою душу в белое вафельное полотенце и вылетел в распахнутое окно. Это было в марте...

Павел САВИНКИН

журналист

ДРУЗЕЙ МОИХ ПРЕКРАСНЫЕ ЧЕРТЫ

Картинки с натуры

Святая к музыке любовь

На голодный желудок Нина Петровна петь не разрешает. Не успел перекусить – вот тебе булочка-пирожок, вот кружка чая, а уж потом – музыка. Какой же из человека артист, коль скоро в животе бурчит?! С пустым желудком петь не просто скучно и безудовольственно, главное – голос не звучит, нет в нём полноты и жизни. А перекусил – и можно приступать к распевам – арпеджио и прочим лялякам... На булочки деньги выделяет педуниверситет, доказывая тем самым трепетное отношение к хору, солистам и их многолетнему бессменному музыкальному руководителю Нине Петровне Гуменюк – личности легендарной.

По статусу она занимается сугубо студентами педуниверситета, готова сутками напролёт учить их правильному, чистому пению, умению держать именно свою партию, чувствовать партнёра. Благодаря этой самоотверженности подопечные Нины Петровны не раз завоевывали первые места в региональных конкурсах и фестивалях искусств. Иначе и быть не могло: у неё жизненное кредо – быть во всём первым. Никаких «но»! Только – первым!

Но статус статусом, а вообще на уроки по вокалу к ней может прийти любой, кто хочет научиться петь. При условии, конечно, что не наступил на ухо медведь. И если заложена хоть толика таланта, то после занятий (упор-